

Левин Алексей Иванович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы

Levin Aleksei Ivanovich

PhD, Associate Professor, Philosophy, Social, Legal and Natural Sciences Department, Kursk Academy of State and Municipal Service

Левина Людмила Викторовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета

Levina Ludmila Viktorovna

PhD in Social Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department, Southwest State University

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ПРИГРАНИЧНЫХ СОЦИУМОВ [1]

REGIONAL IDENTITY AS A BASIS FOR CONSOLIDATION OF BORDER SOCIETIES [1]

Аннотация:

В статье рассматривается взаимосвязь процессов региональной идентичности и публичной коммуникации. Актуальность темы определяется необходимостью преодоления возможных негативных тенденций в развитии межнациональных и межконфессиональных отношений в приграничных территориях Российской Федерации. Характерным процессом для современной социальной ситуации в стране является расширение контактных зон между этносами в условиях развитого федерализма. В рамках российской национальной политики представляется возможным развивать не только государственную, но и региональную идентичность, которая определяется как личностная и групповая совокупность когнитивных символов, образующих интегрированное представление об окружающем локусе. С точки зрения социологического подхода идентичность рассматривается на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. Предложена классификация сценариев воспроизводства исследуемого явления, факторов, оказывающих влияние на выбор того или иного сценария. Значительное внимание уделяется рассмотрению акторов и стейкхолдеров процессов идентификации на уровне территории, специфики административного и общественного воздействия в пространстве публичной коммуникации.

Ключевые слова:

акторы, государство, межконфессиональные отношения, модель идентичности, национальная политика, периферия, пространство публичных коммуникаций, регион, региональная идентичность, социальные группы, стейкхолдеры, территория, центр, элиты, этнические процессы.

Summary:

The present study considers the relationship between the processes of regional identity and public communication. The relevance of the theme is determined by the need to overcome possible negative trends in the development of interethnic and interfaith relations in the border territories of the Russian Federation. The expansion of contact zones between ethnic groups in the conditions of developed federalism is a typical process of the current social situation in the country. It seems possible to develop not only state, but also regional identity within the framework of Russian national policy. The authors consider regional identity as a personal and group set of cognitive symbols that form an integrated representation of the surrounding locus. Identity is discussed at the micro-, meso- and macro-social levels from the viewpoint of the sociological approach. The research presents the classification of the studied phenomenon reproduction scenarios, the factors that influence the choice of a particular scenario. Special attention is devoted to the consideration of actors and stakeholders of identification processes at the territorial level, the specific character of administrative and public impact in the space of public communication.

Keywords:

actors, state, interfaith relations, identity model, national policy, periphery, public communication space, region, regional identity, social groups, stakeholders, territory, center, elites, ethnic processes.

Развитие социума как государства в целом, так и его отдельных территорий и регионов невозможно представить вне процессов формирования, становления и модернизации идентичности групп населения. Самоидентификация населения России в целом и ее приграничных регионов в частности выступает ведущим фактором стабилизации социально-политических процессов. Характерная для приграничья Российской Федерации миграционная картина способствует нарастанию социально-культурных и религиозных проблем [2, с. 286]. Можно утверждать, что становление позитивной региональной идентичности позволит преодолеть ряд негативных тенденций в развитии межнациональных и межконфессиональных отношений на региональном уровне.

Актуальность темы исследования определяется специфическими социально-политическими условиями, в которых развивается национальная и региональная идентичность в Российской Федерации. Историческое развитие России определяется таким явлением, как федерализм,

суть которого предполагает совокупность самоуправляющихся регионов [3, с. 5]. Формообразующим фактором федерализма выступает наделение властными государственными полномочиями органов управления территориями, населенными этническими общностями. Также одним из важнейших факторов остается наличие этнического русского «мегаядра», занимающего большую часть территории страны. Указанное ядро окружено более малочисленными и зачастую территориально обособленными этносами. Для этнонациональных процессов в Российской Федерации характерно сглаживание барьеров между народами, расширение контактных зон. Особую значимость эти процессы имеют для приграничных регионов и социумов, которые складываются в результате взаимообмена представителями различных этнических и конфессиональных групп. Таким образом, федерализм показывает себя успешным инструментом национального управления на современном этапе социального развития.

Для целей исследования значимым представляется тот факт, что реализуемая в России этнонациональная политика поощряет не только национальную самоидентичность этносов, но и региональную идентичность в целом. Видится, что исследование проблемы отождествления с регионом приобретает на современном этапе особую актуальность. Это связано с тем, что большая протяженность страны и наличие центра государственного управления, наделяющего властными полномочиями территории, приводят к формированию в массовом сознании вместо диспозиции «Я – гражданин государства» образа «Я – член территориальной общности».

Идентичность выступает одним из важнейших условий социализации человека. В той или иной степени любому члену общества жизненно необходимо осознавать принадлежность к социуму. По мере усложнения общественных отношений осознание совпадения с той или иной социальной группой, которое находит отражение прежде всего в ценностном аспекте, становится все более и более мультивариантным. Личность осознает свою «индивидуальность в группе» и как представитель нации, государства, территории, пола, возраста, социального положения и других социальных образований. Традиционно среди элементов общности значимую роль играют вопросы генезиса и территории. Было бы упрощенным сводить их только к процессам этногенеза, так как в них присутствуют и элементы демографии, семьи, верований, культурных традиций. По мысли Е.В. Головнёвой, «идентичность – это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано и чем можно манипулировать» [4, с. 43].

Образуя системное и объективное явление, идентичность глубоко интегрируется во все общественные отношения. Это, в свою очередь, постулирует необходимость государственного управления процессами становления, развития и актуализации идентичности. Особую значимость управленческому воздействию в данной сфере придает тот факт, что осознание идентичности граждан с государством и территорией напрямую связано с такими явлениями, как гражданственность и патриотизм. При этом необходимо подчеркнуть, что мы рассматриваем феномены региональной и национальной идентичности как близкие, но не совпадающие понятия. И то и другое социальное явление является формой коллективной идентичности, понимаемой нами как «самотождественность» с культурным, социальным или политическим сообществом [5, с. 77].

Специфика региональной идентичности находит свое выражение в так называемом географическом локусе (в англоязычной литературе используются термины *place attachment* и *place identity*). Образ территории отражается в сознании как совокупность когнитивных символов, включающих в себя как компоненты концептуального общественного сознания, так и индивидуальные интегрированные представления об окружающем пространстве. Среди наиболее значимых факторов называются культурно значимые элементы ландшафта (как природные, так и исторические), события и личности, связанные с локусом [6, с. 27].

В исследовании Л. Скэннелл и Р. Гиффорда на материале анализа значительного числа источников, в частности, утверждается, что групповой и индивидуальный уровни региональной идентичности (*place attachment*) являются пересекающимися понятиями [7]. При этом на индивидуальном уровне определяющими будут личностные воспоминания, осознание себя как личности, определенные вехи саморазвития, переживания личностного роста. Зачастую для человека значение имеют не сами места, а смысловое переживание «на месте» [8]. Такой индивидуальный опыт может служить основой для идентификации с регионом. На уровне группы региональная идентичность состоит из символических значений места, которые разделяются членами сообщества. Групповая идентичность исследуется зарубежными исследователями в соотнесении с культурой, полом, религией и понимается как социальный процесс, в котором группы самоидентифицируются с областями (территориями), где они могут сохранять самоидентичность. Л. Скэннелл и Р. Гиффорд расширяют модель региональной идентичности до трехкомпонентной (рисунок 1) [9].

Рисунок 1 – Трехчастная модель региональной идентичности

Исследования региональной идентичности в отечественной науке отличаются многоаспектностью. Идентичность может выступать предметом как политологического дискурса, так и исторического исследования. Предметом нашего исследования выбран социологический аспект проблемы. Его спецификой является осознание субъектной принадлежности к региональному сообществу, характерными чертами которого выступают когнитивное, эмоциональное и ценностное осознание принадлежности к сообществу на уровне региона. Оно находит проявление «в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона» [10, с. 218]. Определяющей характеристикой региональной идентичности в таком случае будет выступать соотношение субъекта с местом своего проживания, эмоциональное и личностное единство с территорией происхождения (и/или проживания).

Можно утверждать, что региональная идентичность является одной из характеризующих черт личности человека. Как следствие, она присуща практически всем людям. Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов полагают, что механизм идентификации постоянен для каждого индивида при условии фиксированного набора образа территории. Результатом отождествления выступает образ «Я – член территориальной общности» [11, с. 96].

Несмотря на то, что, вероятно, региональная идентичность представляет собой первичное по отношению к национальной идентичности явление [12, с. 176], степень ее исследования, особенно в отечественной социологии, недостаточна. В то же время полноценное управление процессами формирования гармоничных межнациональных отношений невозможно без социологического познания исследуемого феномена.

Социологическое исследование идентичности может быть осуществлено на трех уровнях: микро-, мезо- и макросоциальном. На микросоциальном уровне происходит идентификация субъекта с наиболее значимыми для него людьми (членами семьи, коллегами, друзьями). Мезосоциальный уровень выражается в отождествлении с такими социальными группами, как гендер, профессия, возраст, образование. Макросоциальная идентификация связывается с такими категориями, как этнос, нация, конфессия, общество в целом и территория.

Регион как территориальное образование и объект идентифицирования занимает промежуточное положение между уровнем общества и территорией. Также можно отметить, что для региона характерны, с одной стороны, как правило, достаточно большая протяженность, благоприятствующая разрушению системы личностных взаимоотношений, и, с другой стороны, стремление населения и руководства региона поддерживать социальное взаимодействие [13, с. 117].

Региональная идентичность в своей содержательной сущности имеет несколько акцентов: социальная идентичность территории, находящая выражение в общности территории проживания, ценностная идентичность населения, понимаемая как единство происхождения, идентичность элит как противопоставление властному центру. С точки зрения управленческого воздействия значимым представляется процесс перехода в понимании категории «регион» от типологического содержания к иерархическому. Другими словами, насущной задачей деятельности в данной области представляется переход объектов воздействия от локальной к национально-государственной идентичности [14]. В случае утраты управляющего государственного воздействия региональная идентичность может стать фактором противопоставления национальной идентичности и угрожать целостности государства и его безопасности.

На наш взгляд, можно говорить как минимум о трех сценариях генезиса исследуемого явления:

1. Региональная идентичность до национальной. Характерна для ранних этапов развития общностей, а также может предшествовать развитию государства и нации. Реализация сценария осуществляется на основе родовых, земляческих отношений, и в меньшей степени проявляется территориальный фактор.

2. Региональная идентичность одновременно с национальной. Подобный сценарий развивается во многих обществах, где наряду с осознанием общности с нацией (реже с государством) наблюдаются и территориальные обособленности. В массовом сознании они обретают, как правило, географические наименования и подтверждаются мифологемами.

3. Региональная идентичность вопреки национальной. Сценарий реализуется в том случае, если этнонациональные процессы на территории формируют центробежный вектор развития.

Рассматриваемые сценарии осуществляются под воздействием ряда факторов, среди которых наиболее значимыми нам видятся горизонтальная мобильность населения, территориальная обособленность территориальных единиц, пограничное положение. Чем более развито в стране состояние «плавильного котла» (*melting pot*), тем меньше шансов для возникновения устойчивых региональных идентичностей. В то же время слабая территориальная доступность способствует усилению процессов региональной самоидентификации. Аналогичным образом воздействует и приграничное состояние, вызывающее обостренное переживание в социуме противопоставлений «Мы – Чужие». Как показывает анализ ряда работ [15], региональная идентичность в Российской Федерации наиболее развита в приграничных областях (интересный пример – Калининградская область), национальных республиках (в последнее время усилились процессы идентификации на Дальнем Востоке и в Сибири) и в значительно меньшей степени в Центральной России и крупных городах.

Наличие границ (как административно-государственных, так и этнонациональных) зачастую играет определяющую роль в формировании и поддержании региональной идентичности [16, с. 218]. Одновременно они являются механизмом выделения субрегионов России, обладающих специфическими социокультурными системами. Специфика субрегиональности, в свою очередь, определяет специфическую картину региональной идентичности для каждой из таких территорий и в конечном счете тенденцию регионализации.

Отметим, что роль административного фактора в усилении или ослаблении тенденции развития регионализации достаточно велика. С точки зрения Н.Ю. Замятиной, регион конструируется в сознании через следующие этапы:

1) пространственная концентрация социума как следствие развертывания системы властных отношений и ее символических значений;

2) формирование социальных отношений через возникновение иерархий и неравномерное развитие участков территории;

3) становление территориальных отношений между центром и периферией на более высоком уровне развития государственности [17, с. 152].

В таких условиях региональные элиты могут пойти на укрепление местного патриотизма как формы идентичности, что приведет к укреплению единства и «самости» территории. Как результат, региональная идентичность в некоторых случаях замещает гражданскую и даже этническую и становится определяющим фактором [18], угрожающим стабильности вертикали отноше-

ний. Напротив, в стабильном обществе, где господствует гражданская и национальная идентичность, регионализация не может стать определяющим фактором. Она выступает лишь как элемент системы ценностей, культуры, поведенческих нормативов.

Таким образом, значимость региональной идентичности для системы этнонациональной политики России возрастает на современном этапе развития. В нашем исследовании идентичность понимается как важнейшее условие социализации личности и группы. Региональная идентичность с социологической точки зрения исследуется на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. Регион как объект идентифицирования занимает среднее положение.

Нами подчеркивается, что усиление региональной идентичности может быть как положительным, так и отрицательным фактором в развитии федеративного государства. В случае потери управленческого воздействия на регион и наличия выраженной политической воли местных элит регионализация может стать угрозой для государства в целом. В связи с этим насущной задачей государственного управления (особенно в условиях неравномерности развития региональной идентичности в России) становится, с одной стороны, продолжение «сглаживания» национальных и региональных барьеров, а с другой – определение эффективности воздействия государства на регионы.

По нашему мнению, управленческое воздействие в исследуемой сфере неизбежно происходит в пространстве публичной коммуникации. Вслед за В.В. Зотовым, А.И. Алексеенко и А.В. Губановым мы понимаем под пространством публичной коммуникации комплекс источников и реципиентов информации, «способствующих устойчивому упорядоченному информационному процессу, в котором так или иначе (в том числе потенциально) может принимать участие актор» [19, с. 399]. В него включены традиционные (печатные) и современные (электронные) средства массовой коммуникации. Будучи многосекторным явлением, пространство сетевой коммуникации выступает не только «проводником» государственного воздействия на представления населения о региональной идентичности, но и источником интегративных и дезинтеграционных идеологем, которые создаются группами сторон, заинтересованных в процессах идентификации. К акторам (стейкхолдерам) межгруппового взаимодействия в этой сфере мы относим представителей органов государственной власти и местного самоуправления, региональные (в том числе национальные и конфессиональные) элиты, общественные организации (включая диаспоры), представителей научного и образовательного сообществ. Наиболее продуктивным для заявленных целей формирования региональной идентичности в пространстве публичной коммуникации нам видится выстраивание партнерского диалога, направленного на переход от единения групп к осознанию себя частью региона, а в дальнейшем и полноправным субъектом государственности.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00835 «Формирование пространства публичных коммуникаций как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в приграничных регионах».
2. Зотов В.В. Развитие гражданской и региональной идентичности как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов приграничного моноэтнического региона // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сборник тезисов I Всероссийской научно-практической конференции / гл. ред. А.И. Антонова. М., 2018. С. 286–288.
3. Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации : методические материалы / под ред. А.Ю. Полунова. М., 2018. 210 с.
4. Головинёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
5. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Ростов н/Д., 2007. 335 с.
6. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Кн. 1. Образы российских республик в Интернете. М., 2009. 147 с.
7. Scannell L., Gifford R. Defining Place Attachment: A Tripartite Organizing Framework // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.09.006>.
8. Manzo L.C. For Better or Worse: Exploring Multiple Dimensions of Place Meaning // Ibid. 2005. Vol. 25, no. 1. P. 67–86. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.01.002>.
9. Scannell L., Gifford R. Op. cit. P. 2.
10. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 216–222.
11. Шматко Н.А., Кочанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
12. Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия – ЕС – США) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 175–190.
13. Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы : материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2006. С. 107–169.
14. Герасимов А.С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2013. № 3. С. 57–63 ; Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1.

- С. 43–50 ; Тумакова К.Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // *Власть*. 2010. № 3. С. 70–73 ; и др.
15. Бочаров А.В. Методологические и эмпирические аспекты изучения региональной сибирской идентичности в информационном поле региональных СМИ // *Вестник Томского государственного университета. Сер.: История*. 2012. № 2 (18). С. 81–91.
 16. Еремина Е.В. Указ. соч. С. 218.
 17. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5. С. 151–163.
 18. Муха В.Н., Литовка В.А. Методологические аспекты изучения региональной идентичности // *Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал*. 2013. № 9. С. 20. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-21>.
 19. Зотов В.В., Алексеенко А.И., Губанов А.В. Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2019. Т. 44, № 3. С. 396–409. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409>.

References:

- Bocharov, AV** 2012, 'Methodological and Empirical Aspects of Studying of Regional Siberian Identity in Information Field of Regional Mass-Media', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija*, no. 2 (18), pp. 81-91, (in Russian).
- Eremina, EV 2011, 'Regional Identity in the Context of Sociological Analysis', *Regionologiya*, no. 3 (76), pp. 216-222, (in Russian).
- Gerasimov, AS 2013, 'Approaches to the Research of Regional Identity in Russian Science', *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*, no. 3, pp. 57-63, (in Russian).
- Golovneva, EV 2013, 'Regional Identity as a Form of Collective Identity and Its Structure', *Labirint: zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5, pp. 42-50, (in Russian).
- Korepanov, GS 2009, 'Regional Identity as a Basic Category of Regional Development Sociology', *Vlast*, no. 1, pp. 43-50, (in Russian).
- Lapin, NI 2006, 'On the Preparation of a Sociocultural Portrait of a Region according to a Standard Program and Methodology', in NI Lapin & LA Belyaeva (eds), *Sociocultural Portrait of a Region. Typical Program and Methodology, Methodological Problems: Proceedings of the Scientific Conference "Sociocultural Map of Russia and Prospects for the Development of Russian Regions"*, Moscow, pp. 107-169, (in Russian).
- Malkova, VK & Tishkov, VA 2009, *Culture and Space*, book 1, *Images of Russian Republics on the Internet*, Moscow, 147 p., (in Russian).
- Manzo, LC 2005, 'For Better or Worse: Exploring Multiple Dimensions of Place Meaning', *Journal of Environmental Psychology*, vol. 25, no. 1, pp. 67-86, <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.01.002>.
- Mukha, VN & Litovka, VA 2013, 'Methodological Aspects of Study of Regional Identity', *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem: elektronny nauchny zhurnal*, no. 9, pp. 20, <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-21>, (in Russian).
- Penkovtsev, RV & Shibanova, NA 2007, 'Comparative Analysis of the Phenomenon of 'Regional Identity' (Russia – EU – USA)', *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 175-190, (in Russian).
- Polunov, AJu (ed.) 2018, *Issues of the Implementation of State National Policy in the Constituent Entities of the Russian Federation: Methodical Materials*, Moscow, 210 p., (in Russian).
- Scannell, L & Gifford, R 2010, 'Defining Place Attachment: A Tripartite Organizing Framework', *Journal of Environmental Psychology*, 2010, vol. 30, no. 1, pp. 1-10, <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.09.006>.
- Shmatko, NA & Kochanov, YuL 1998, 'Territorial Identity as a Sociological Research Object', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 94-98, (in Russian).
- Toumakova, K 2010, 'Regional Identity and Branding as a Social and Economic Resource', *Vlast*, no. 3, pp. 70-73, (in Russian).
- Zamyatina, NYu 2012, 'Territorial Identities and Social Structures', *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 5, pp. 151-163, (in Russian).
- Zhade, ZA 2007, *Vectors of Geopolitical Identity*, Rostov-on-Don, 335 p., (in Russian).
- Zotov, VV 2018, 'The Development of Civil and Regional Identity as a Condition for Reducing the Risks of Interethnic and Ethno-Confessional Conflicts of the Cross-Border Mono-Ethnic Region', in AI Antonova (ed.), *Social Dynamics of the Population and Sustainable Development: Proceedings of the I Scientific and Practical Conference*, Moscow, pp. 286-288, (in Russian).
- Zotov, VV, Alekseenko, AI & Gubanov, AV 2019, 'The Role of Ethno-Confessional Space Stakeholders of Public Communications in Harmonizing Relations and Averting of Conflicts in a Frontier Region', *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofia. Sotsiologia. Pravo*, vol. 44, no. 3, pp. 396-409, <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409>, (in Russian).

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна